

18+

Аркадий Куратёв

Рукопись, спрятанная на чердаке

Аркадий Куратёв
Рукопись, спрятанная
на чердаке. Хроника
на историческом фоне
с элементами фэнтези,
детектива и эротики

<https://litres.ru/74306808>

ISBN 9785007087476

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Середина 19 века, Австро-Венгрия. Империя Габсбургов, доминирует в Центральной Европе. Император Франц — Иосиф II, стремится завоевать новые земли и удержать в повиновении национальных аристократии. В трудные моменты ему помогает российский коллега Николай I, что не помешает Францу — Иосифу безжалостно предать своего союзника во время Крымской компании. За событиями с интересом наблюдает

престаревший Асмодей, бес войн и разводов. На этом фоне развивается история графской семьи фон Эрлихов.

Содержание

Рукопись спрятанная на чердаке	6
1. Явление отставного беса	7
2. Наше время Отъезд Марко	11
3. Круг семьи и его предел	19
4 Игры на свежем воздухе	31
5. Объяснение	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Рукопись, спрятанная
на чердаке
Хроника на
историческом фоне с
элементами фэнтези,
детектива и эротики**

**Аркадий
Николаевич Куратёв**

© Аркадий Николаевич Куратёв, 2026

ISBN 978-5-0070-8747-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рукопись спрятанная на чердаке

*Хроника на историческом фоне с элементами фэнтези,
детектива и эротики*

*Все действующие лица, места их пребывания и поступки
выдуманы автором*

Совпадения случайны

1. Явление отставного беса

В своё время меня звали Асмодей.

Что поменялось? Сейчас я стараюсь поддержать вполне человеческий облик — к чему выделяться? Реабилитаторы по моей просьбе давным-давно убрали две из трех голов и избавили от хромоты — изъяна, не присущего бесам в целом. Обширные обязанности сократили — земные дела сильно изменились, многие коллизии исчезли самостоятельно. Оставили две сферы применения: разрушение семей и покровительство любителям войн, добавили сбор информации — как и всем иным бесам. Но если первая сфера развивается успешно и без моего усердия, то вторая доставляет массу хлопот: число охотников повоевать со временем только растёт. В нашей канцелярии это приветствовалось. Война — порок, но задача придать пороку приятную внешность осталась — иначе не вызовешь симпатий у обывателя. Были, есть и будут удачи и разочарования на этом поприще.

Материал, из которого созданы все бесы, также изнашивается со временем. Раньше меня отзывали в нижние слои и «перезаряжали» — загоняли собранный ресурс в новую бесовскую матрицу. Конечно, основательно вычищенный — зачем таскать в себе ненужный для будущей практики хлам? После тестирования техническая служба давала нюхнуть курительной смеси из печени и сердца рыбы, пойманной в Тиб-

ре, и я пулей вылетал на поверхность.

В конце девятнадцатого века, когда на землях Испании и Франции особых дел уже не было, я решил потихоньку закруглиться, о чем информировал моё начальство. Мне не стали перечить; сохранили место в моей же канцелярии в статусе свободного агента. Вот тут мне и пришла в голову идея, засесть в каком-нибудь спокойном месте и записать на бумаге впечатления, собранные в последние годы и десятилетия. Я всегда относился к писательству скептически, но вот приспичило самому выплеснуть накопленные мысли на бумагу — словом я ощутил притягательность этого занятия. Когда и кто прочтёт мои записки — не так интересно, но: рукописи никогда не попадают на стол к случайному человеку. Это их свойство. Время от времени мои герои получают слово и будут говорить сами за себя.

Начну издалека: однажды тень Наполеона, измучив своего хозяина, ушла вместе с ним в небытие на острове Святой Елены. Эпицентр всех европейских разборок переместился в Германию, отголоски его слышались в Австрии и на Балканах. Сюда меня и направили — авось, что и обломится — мы же не знаем будущего! Позже я тут и осел. Вышло это совершенно случайно: я пересекся с идущим Альбертом когда уже совсем притих и не жаждал приключений. Считаю, что мне повезло — я получил в тот день покровительство, в котором так нуждался. Во мне он увидел плохо одетого, может быть и нищего голодного старичка, которого отвел в

мансарду своего дома. Она была отремонтирована и обустроена без особой роскоши, но меня вполне устраивала. Позднее он временами наведывался, перекидывался парой слов, спрашивал про мои нужды — от помощи я отказывался — и не требовал никаких денег за моё убежище. Лучшая часть наших встреч была посвящена беседам о всякой всячине, в том числе и о его родственниках. Тут мне впервые пришло в голову записать впечатления, для чего я и купил в книжном магазине пару толстых тетрадей и письменные принадлежности. Альберт видел мои упражнения, но ни разу не поинтересовался содержанием записок. Жил я, конечно, не один, а вместе со своей обычной компанией из собаки, кошки и летучей мыши, которые в присутствии Альберта не имели права появляться. Они лежали в комнате, редко нарушая тишину; только мышь вынуждена была летать туда и назад для связи между мной и моими здешними помощниками. Пользовалась она окном, а спала на любом кусочке стены или потолка. Правда, вид висящей головой вниз мыши раздражал кота, но это были мелочи жизни. Пес не обращал внимания. Его позиция была предельно проста: погулять, поесть, лёчь на ковер брюхом с таким расчетом, чтобы видеть всех обитателей сразу и дремать.

Берта, ведавшая чистотой в комнатах Альберта на третьем этаже, то есть прямо подо мной, иногда поднималась в мансарду и делала уборку. Впрочем, я и сам старался соблюдать чистоту и порядок.

Альберт, по приходе, обычно прикладывал палец к губам и произносил «Тс-с!», намекая на посторонние уши. Я кивал в ответ, хотя и знал, что нас никто не подслушивает.

Естественно, из двух семейств, привлёкших моё внимание, стал род фон Эрлихов, к которому принадлежал Альберт. Второе семейство определилось само собой.

Подписываюсь: просто **Ас**.

Ас: однажды я прочёл и запомнил:

«Все заблуждения минувших лет
С нетерпением ждут своих наград.
И высшая из них — одиночество».

Так вот, я дождался одиночества. Правда, соглашаться с выводом о заблуждениях пока не тороплюсь. Более того — записывая свои воспоминания, отдаю в распоряжения читателя себя со всеми достоинствами и недостаткам моих персонажей. Думаю, знакомство и с теми, и с другими будут одинаково полезны.

2. Наше время Отъезд Марко

Ас: Марко Савич собирался в дорогу. Его несчастная страна не знала спокойной жизни: всё время выясняла отношения с соседями. Не случайно именно на Балканах разразилась первая мировая бойня.

Его шефы долго закрывали глаза на здешние усобицы, но, в конце концов, куратор группы отправил письмо из головного офиса с предложением перебраться в более спокойное место. В противном случае Марко лишался контракта: готовилось решение прекратить финансирование программ до конца года. А в странах ЕС всё оставалось на прежнем уровне. Время ещё было, но был ли смысл испытывать судьбу?

Вечером он сказал новость родителям. Отец сделал вид, что обдумывает известие — на самом деле он ожидал, что скажет мать — практика не лезть впереди жены выработалась годами. Мать высказалась сразу и решительно:

— Тебе надо уезжать — мы уже много раз тебе это говорили!

Да, они говорили, но Марко колебался — не так просто оторваться от насиженного места, семьи и родного дома. Да и все планы на будущее связывались с этой страной.

Многое изменилось на глазах: вначале сестра отбыла за океан. Намерение её зрело долго, но случилось всё в одночасье. Спустя пару месяцев пришли первые обнадеживающие

известия от её подруги: они нашли кое-какую работу и сумели снять комнату, платить за которую позволял их, хоть и небольшой, но постоянный заработок. У матери отлегло от сердца.

Теперь выходило, что в случае отъезда Марко родители, оставались в Нише одни — сердце за них болело.

— Как же вы здесь будете? Спокойной жизни власть не обещает, Косово рядом. Забыли 2000 год?

Мать пожала плечами:

— Что бы не случилось, мы ничего не сможем изменить. А прожитые годы уже никто не отнимет.

Сидя на старом диване, она замолчала, отведя глаза в дальний угол. Они были скрыты от мира большими очками в черной оправе, не выражая ничего — как бы не обращали на окружающий мир внимания. А может, он и вправду не был достоин её внимания?

Точно такой же взгляд был у её отца. Старый Мирослав, бывший учитель истории, носил простые очки — круглые, старомодные, в металлической оправе. Сидя у окна в гостиной, он смотрел на улицу, вероятно, желая быть в курсе всего происходящего, хотя практически ничего не видел. Именно поэтому взгляд его был неподвижным. Различал контуры, но всех своих узнавал безошибочно. Ближе к вечеру он включал и слушал маленький радиоприемник «Сони», подаренный ко дню рождения: одни и те же станции в одинаковое время. Марко менял в нём батарейки, когда подходил срок.

Между слушаниями Мирослав прятал приемник в прикроватную тумбу, верхняя часть которой была занята лекарствами. Мать строго следила за временем их приёма.

Старику общаться в живую было совершенно не с кем: все его сверстники, некогда партизанившие вместе с ним в отрядах Тито, уже ушли в мир иной. Здешний им казался слишком ненадежным, даже в сравнении с тем, который они пережили в молодости.

Только однажды дед поразил своим неожиданным утверждением:

— Империи должны рассыпаться!

Марко ждал продолжения. Дед молчал, перебирая губами, как бы собираясь с мыслями, но мать позвала всех ужинать.

Эта ситуация повторилась еще несколько раз с тем же результатом. В конце концов, Марко решил, что таким образом дед предвещает момент наступления ужина — а что можно было выдумать лучше? Увы, несколько недель спустя его не стало. Не известно, что бы он сказал на семейном совете.

Отец, наклонив голову в сторону жены, подтвердил согласие с ней:

— Уезжай! Так будет лучше тебе и нам.

Так и решили. После недолгих сборов Марко уехал, сложив ноутбук и смартфон в дорожную сумку Dunlop — набирать много вещей не было смысла. В Австрии, где был зарегистрирован офис фирмы, хватало всего, приёмом и размещением занимались уполномоченные менеджеры.

Обычно Марко звонил по вечерам матери, сообщая, где он и как себя чувствует. Отец был занят на работе — ему удалось продлить свой контракт в местной поликлинике. Для семейного бюджета это было существенная статья дохода. На будущее Марко твердо решил отправлять родителям раз в месяц пусть и скромные, но вполне ощутимые суммы денег. Для улучшения качества жизни — так это называлось. Этими деньгами, конечно, по своему усмотрению распоряжалась мать.

Дорогой вспоминалась реплика деда про империи: да, они распались, но народы, города, языки и культуры сохранились. И Ниш, и Штайр, в который ехал Марко, были некогда городами могучей Австро-Венгрии с её императорами и императрицами. Теперь принято выбирать президентов, но так ли изменился мир их обывателей? Не зря же замечено: «На луну собаки воют всюду одинаково».

В пользу Австрии было и то, что немецкий язык Марко уже знал достаточно: мог не только работать на компьютере, но и объясняться.

Дежана, коллега из местного офиса, передала список квартир, которые сдавались за адекватную цену. В любом переезде многое упирается в деньги: кроме размещения надо оформить многочисленные документы с оплатой их перевода, заключить договора с операторами связи, съездить в головной офис на юг страны для подписания нового контракта. Меньше всего Марко беспокоила кормежка: кроме свиного

сала, студня и сладких яблок в него входило всё. Эти три исключения были связаны с какими-то детскими болезнями, но укоренились надолго.

С Дежаной они перекинулись еще несколькими фразами:

— Марко, а ты случаем не боишься привидений?

— Дорогая моя, это в ужастиках привидения летают и прыгают, пугая детишек! Я наяву видел кое-что страшнее: это когда привидения на рассвете у крайних домов нашей улицы, вместо рисованных парабеллумов держали в руках настоящие «калаши». Этих я, не скрою, испугался по настоящему. А что ты про них спросила?

— Наши ребята больно впечатлительны, — хмыкнула Дежана. — Квартира, которую ты выбрал, снимали раза три, но все через месяц с неё убегали из-за привидений.

— О как! Хочу попробовать!

Собственно, это была и не квартира вовсе, а мансарда с отдельным входом. Винтовая лестница приводила к двери, открывавшейся внутрь. Сразу за дверью стояла небольшая вешалка.

Единственное окно на противоположной стене выходило во двор, перед ним стоял письменный стол с настольной лампой. Широкая тахта занимала место у левой стены, напротив тахты стоял небольшой шкаф для одежды. Электроплита, вытяжка и умывальник уместились в нише; правее окна. Там же урчал и небольшой холодильник. Не разгуляешься, но одному места вдоволь. Да — был еще небольшой камин с

экраном, но им, вероятно, в прошедшем веке никто не пользовался. Всё это на фоне светлых, не первой свежести обоев. И никаких излишеств, кроме пары обычных табуреток. Ноутбук разместился на столе, всю канцелярская мелочь, прихваченная в офисе, разложилась в ящики.

Первые ночи сон был крепким, как и всегда на новом месте.

Они появились спустя три — четыре дня. Ненавязчиво, по очереди — собака, кот и летучая мышь. Сперва Марко не обратил на них внимания — сон и сон, мало ли чего приснится. Но вскоре понял, что этой компании нечто от него надо: они появлялись всё время, когда он приходил в своё новое жилище. Не издавали ни звука, не показываясь наяву — но он знал, что они рядом.

Спустя ещё неделю этот коллектив дружно стал звать посмотреть пристальнее в сторону, где стояла вешалка. Собака и кот подходили к ней и задирали головы вверх, а ушан садился на стену всегда на одно и то же место. В какой-то момент они дружно оглядывались на Марко, как бы приглашая принять участие в их посиделках. Во сне он это сделать не мог, но однажды утром, умывшись, не завтракая, подставил табуретку, и пристальнее изучил обозначенное место. А ведь и верно — малозаметный снизу прямоугольник под самым потолком явно обозначал тайничок. Для серьезногоклада он был мал, но небольшой предмет или сверток мог вполне уместиться. Простукивание подтвердило пустоту. Сунув в щель

лезвие канцелярского ножа — тайничок легко открылся — Марко обнаружил аккуратно завернутые в кусок ткани две толстых тетради в кожаных обложках. Таким образом, рукопись вновь увидела свет.

Компания хвостатых особей с этого момента перестала досаждать, но на смену ей пришел какой то странный тип, вид которого никак не зафиксировался в сознании. Марко вспомнил юношеские времена, когда долгожданной покупкой родителей стал видеомаягнитофон. Кассеты покупались каждым свой вкус, но лежали они сообща. Себе он выбирал, понятно, тяжелый рок!

Отец любил своё, югославское кино, причём один актер был у него в явном фаворе. Звали его Бата Живойонович; чаще всего он играл партизан. На такие просмотры отец обязательно приглашал деда Мирослава. Югославии уже не было: балканские страны, как в прежние времена, разбежались по своим углам. Суть и преимущества этого явления не понимал никто. Однажды, после изрядной выпивки, этот вопрос всплыл на поверхность — Марко запомнил единственный толковый ответ. Он исходил от возрастного коллеги: разьединение нужно для того, чтобы потом плотнее соединиться. При этом коллега пожал плечами в унисон со своими мыслями.

Мать любила итальянское кино, особенно «Ночи Кабирии». Среди её кассет был и французский фильм «Искатели приключений». И там, к моему удивлению, был тот же Бата

Живойонович, но звали его иначе — Лино Вентура.

Было еще несколько фильмов Феллини, каждый из них заканчивался карнавальным шествием всевозможных чудаков и клоунов. Лица рассмотреть было невозможно. Вот и сейчас один из этой когорты, с неузнаваемым лицом, появился в снах. Впрочем, это продолжалось не долго — стоило Марко приняться за чтение тетрадей, как он исчез, подмигнув на прощанье.

Марко читал рукопись по вечерам, то сидя, то лежа. Осваивал страницу за страницей до того момента, пока не клонило ко сну. Днём надо было работать.

Ас: недотёпа — человек, не сумевший совершить в жизни то количество ошибок, которое ему было отпущено свыше. Больше всего я опасался, что мои тетради попадут в руки такого типа. Но — всё обошлось — рукописи не попадают к случайным читателям. Это приятно!

3. Круг семьи и его предел

Марко: названия у записок не было. Я присвоил им своё: «Рукопись спрятанная на чердаке». Потому что «Рукопись найденная в Сарагосе» уже была — мне запомнился фильм. Почерк был разборчивый; правда, значение отдельных немецких слов пришлось искать через ноутбук. Автор рукописи сразу же обозначил себя человеком вежливым и деликатным.

Ас: первым надо упомянуть графа Рудольфа фон Эрлих, дипломата. Семья была обязана ему не только титулом, но и землями и домом в Ланнахе. Графом он стал после вручения ордена Святого Леопольда. За какие заслуги наградил его император высоким орденом, мог бы рассказать, конечно, граф Меттерних, но кто же посмел бы задать столь частный вопрос государственному мужу такого ранга?

Злые языки поговаривали, что коллеги — дипломаты были большими любителями слабого пола. Но что тут дурного? Они ведь действовали исключительно в интересах своей страны, а для неё не жалко ни ума, ни тела. А то и головы — вспомним Юдифь!

Рудольф и его супруга Амалия родили сына Вильгельма, который появился на свет в Вене и прожил в ней первые три года. Граф Рудольф редко покидал столицу. От щедрот императора Фердинанда I Доброго ему достались земли в Шти-

рии. Он купил дом в Ланнахе — в нём постоянно жила Бригитта, средняя сестра его жены. Она же и управляла имением, как могла. Земли сдавались в аренду — полученных денег хватало на её нужды и пожертвования местному настоятелю на содержание костёла. Часть средств оседала на счет в отделении Нацбанка в Граце. Со временем Вильгельм стал проводить у тетки всё больше времени — родители были заняты своей жизнью.

Барбара, младшая из трех сестер, вышла замуж за чиновника из корпуса военной полиции, который был намного старше её; у них родилась дочь Агнешка. Чиновник не хватал с неба звезд и полностью отдавался службе. Мысль о грядущей отставке по возрасту его пугала. Судьба пошла ему навстречу: сердечный приступ прихватил его прямо за рабочим столом.

После приличествующих похорон Барбара, к удивлению знакомых и родных, тут же уехала из Вены в Краков. Да не одна: приезжал за ней некий бравый майор — улан, вдовец, которого она знала, оказывается, ещё с юношеских лет. О ней позабыли, но — случайно выяснилось, что Агнешка, дочь Барбары, также обзавелась мужем в жандармском ведомстве и проживает в Вене. Графиня Амалия отправила младшей сестре письмо, полное упреков. Агнешка стала приходить к тетке на воскресные обеды вместе с мужем Михелем, который произвёл благоприятное впечатление. Родственная связь заиграла новыми красками.

Из семейных разговоров юный Вильгельм запомнил имена русских аристократок Дороти Ливен и Екатерины Багратион, Этих светских львиц отец вспоминал с особым трепетом. Ибо некоторые щекотливые ситуации, в которые попал его шеф, стремившийся к более полной оценке их достоинств, улаживал как раз фон Эрлих. Спросите, как относилась графиня Амалия к «служебным обязанностям» своего мужа — да очень просто! Однажды её светская знакомая увидела графа Рудольфа в проезжающей мимо карете и стала выражать сочувствие, Амалия хладнокровно её оборвала: — Вы ошиблись! Он не мог там быть!

Вильгельм, рос вполне спокойным и здоровым ребенком — детские болезни не в счёт — и особых хлопот тёте Бригитте не доставлял. По окончании детства он, поступив в гимназию, жил обычной жизнью школяра; приятели у него водились, но друзьями они не стали. Стукнуло семнадцать лет: случайно высказанное пожелание стать военным было положительно оценено семейством. В результате предпринятых усилий Вильгельм фон Эрлих попал в заветную сотню слушателей Терезианской военной академии в Винер — Нойштадте.

Это было по — своему замечательное учреждение: при открытии его императрица Мария — Терезия дала серьезное поручение первому коменданту академии фельдмаршалу Леопольду Иосифу графу Дауну: «Воспитывайте здесь умелых и честных офицеров»!

Государыня знала, что отпрыски императорской фамилии и так получают офицерские звания по достижению совершеннолетия — зачем их учить? С другой стороны, а если война, то кому доверить войска? То-то и оно!

В здании свежеиспеченной военной академии раньше была тюрьма для французских офицеров. Это никого не смущало. Для слушателя так же был отмерен срок — три года. Выдержишь экзамен на «хорошо» — получишь звание лейтенанта и направление к месту службы. Не выдержишь — пойдешь туда кадетом. На те же три года и не меньше.

Но главное: академия, она же «Дворянская военная школа» имела свой символ: AEIOU — “Alles Erdreich IST Österreich untertan или Austriae Est imperare Orbi Universo — «Весь мир подчиняется Австрии». Как всегда остальной мир узнал об этом в последнюю очередь.

Ну вот, обозначилось и второе семейство, о котором надо рассказать — Габсбурги.

Среди многих царствующих особ, глав кабинетов, фаворитов и фавориток, Фердинанд I Добрый стоял особняком — он не имел обыкновения воевать по любому поводу. Согласитесь — среди сильных мира сего это редкость. С одной стороны он носил многочисленные титулы, управляя землями и народами: император Австрии, король Хорватии и Славонии, Галиции, Ломбардии и Венеции. Ещё и президент Германского Союза. Голова кружится, не так ли? Но, с другой стороны, эта августейшая особа, из-за слабости здоровья, не

принимала участия в публичных мероприятиях и заседаниях кабинета министров, возложив эти обязанности на триумвират государственных мужей во главе с канцлером Меттернихом. В свободное время Фердинанд занимался любимым делом — ботаникой. И, вероятно, был счастлив.

Знал пять языков и вел дневник. В его личных заслугах сомневаться не приходится — ордена Золотого руна, Почетного Легиона, Андрея Первозванного и Александра Невского, а также масса других наград тому свидетельство.

Он оставил по себе хорошую память указами об амнистиях, особенно на покоренных итальянских землях, созданием Академии наук и разрешением на строительство первой железнодорожной ветки в 1836 году. Монополию на строительство получил Саломон Майер фон Ротшильд. Фердинанд был веротерпим — гонимые в России старообрядцы получили от него Белокриницкую иерархию с архиерейской кафедрой под Черновцами.

В 1848 году, будучи бездетным, он отказался от престола в пользу своего племянника Франца-Иосифа. Напутствуя преемника, он сказал: «Да благословит тебя Бог, будь хорошим, это приветствуется!»

Опять же, прислушавшись к мнению семейного совета, он благополучно прожил следующие двадцать семь лет в Моравии и в Праге.

Кончина его была такой же, как у любого смертного, а вот обряд захоронения, традиционный для Габсбургов, отличал-

ся своеобразием: он был последним, сорок первым, чье тело разделили на три части и упокоили в разных местах Вены — Императорском склепе, Склепе Сердца, Герцогском склепе.

Взявший власть в свои руки восемнадцатилетний Франц-Иосиф I вынужден был заниматься внутренним кризисом — «весной народов», которую удалось смирить своими силами. Для вида приняли Конституцию, которую чуть позже благополучно забыли. А вот с подавлением венгерских повстанцев, справиться ему помог российский коллега Николай I. Именно в Варшаву, для переговоров с российским царем, молодой император нанес первый международный визит. Договорились — восстание было подавлено силами корпуса фельдмаршала И.Ф.Паскевича. Опытный военачальник за два месяца управился с повстанцами, избегая крупных стычек и битв. Затем сдал всех пленных австрийцам и вернулся в свою варшавскую резиденцию. Австрийцы, в свою очередь, мятежников осудили и расстреляли.

Между тем Вильгельм примерил военную форму, носить которую ему предстояло три года в стенах академии. Для молодого человека это небольшой срок. Другое дело служба, которая предстояла потом: в неё порой вмещалась целая жизнь, короткая или длинная.

Форма сидела на нём не хуже, чем на других слушателях, но на строевых занятиях выделялся не он, а Роман Забецер — рослый и статный блондин, словно рожденным для армейской службы. Непонятно, как и когда, но Роман и Виль-

гельм сошлись характерами и потихоньку от остальных сдружились. Дружбу в армии начальство, как известно, не одобряет — в этом деле нужна осмотрительность.

Академические дисциплины навевали скуку; молодежь отыгрывалась на уроках фехтования — искры летели от сабель — на плавании и выезде. Тут уж Вильгельм чувствовал себя вполне уверенно.

Много мороки было с языковой практикой — английский и французский языки в обязательном порядке, но был еще обязательный государственный язык — один из двенадцати. Приятели, не сговариваясь, выбрали польский. Может, этот выбор и был началом их постепенного сближения.

Окончание их учебы в академии и начало службы совпало с концом правления Фердинанта I Доброго, ботаника, и воцарением Франца Иосифа I, заядлого курильщика и охотника.

По распределению Роман, понятное дело, попал в штаб егерского полка; Вильгельм в том же полку получил роту. На дружеские отношения это не повлияло; разве что Роман мог позволить себе некоторую вальяжность при личных разговорах с бывшим сокурсником, но обращались они на «ты», как и все младшие офицеры независимо от возраста.

Ротное хозяйство хлопотное, если относиться к делу добросовестно. Вильгельм быстро понял, что у солдат есть «свои» признанные командиры, подчинение которым давно уже стало частью их сознания. «Своим» — унтер-офицерам

и капралам — егеря прощали многое, но молодому лейтенанту надо было ещё завоевать доверие и у «своих», и у прямого начальства.

А тут ещё и времена озаботились нравами: итальянцам Ломбардии и Венеции разонравились австрийцы и они решили восстать против «законной власти»! Пошли разговоры не столько о каких-то гражданских правах и свободах — да кто ж его знает, что это такое — но и о воссоединении с Италией, каждая область которой была отдельной маленькой монархией. В январе взбунтовались сицилийцы в Палермо — разве могли ломбардийцы и венецианцы остаться в стороне?

Словом, в северной Италии вырвались наружу и забили родники беспокойства, вызвав головную боль у императора Фердинанда и бдительного канцлера Меттерниха. Положиться в этом вопросе можно было только на Йозефа Радецкого — именно его и заставили стряхнуть пыль с усов. Фельдмаршал, крихтя — возраст, понимаешь! — принял за дело. Жесткости и распорядительности, однако, сохранилось достаточно.

Австрийская армия зашевелилась. Но прежде чем сняться с места егерский полк наших героев доукомплектовали призывниками, а Вильгельм получил новое назначение. Новость эту ему сообщил, конечно, Роман в свойственном ему духе: — Вилли, твоя рота выводится в резерв, а ты сам при-
мешь третью роту в батальоне майора Колера! Таким обра-

зом, обязательно побываешь в Ломбардии!

— Не могу устоять от восторга по этому поводу! Твоя работа?

— В том числе. У старины Коллера в батальоне возникла вакансия. Офицеров он менять не любит, но тут иного выхода нет. Да, познакомься — наблюдатель с российской стороны штабс-капитан Глебов.

Русоволосый, крепко сложенный офицер среднего роста, встав из-за стола, обменялся с Вильгельмом рукопожатием:

— Алексей! Буду рад видеть вас в нашем обществе!

— Вильгельм! Постараюсь оправдать ваши ожидания!

— Алекс, зовите его просто Вилли — так мне привычнее!

Извини, дружище, но работы сегодня воз, а тебя уже ждут в батальоне!

В батальоне, впрочем, его никто особенно не ждал. После представления майор Коллер передал вновь прибывшего лейтенанта своему порученцу Кранклю, а тот, проверив бумаги, показал дорогу в расположение роты.

На следующий день фон Эрлих провел строевой смотр, познакомился с командирами взводов и унтерами. Менять своих подходов к командирской практике он не стал, да и времени было в обрез. Восстание итальянцев набирало силу, Радецкий готовился к серьезным схваткам, в которых побед австрийцам в грядущую зиму никто не гарантировал. Во-первых, война шла на чужой земле, где хватке австрийского императора никто особенно не радовался; во-вторых,

итальянцы сражались, особенно на первых порах, довольно упорно.

Самому Вильгельму больше всего ему хотелось избежать потерь среди своих егерей. Перед любым столкновением место грядущей схватки тщательно осматривала группа опытных солдат; на первые рекогносцировки лейтенант ходил сам, потом полностью доверился фельдфебелю Фогелю. У Фогеля обнаружился недюжинный талант «переговорщика» — чувствуя преимущество, он умел договориться со старостой деревни или колонии о выходе повстанцев за их пределы, гарантируя защиту местных жителей от грабежей и насилий. Это всё поддерживал Вильгельм; ну, а в случаях «сердечных соглашений» фигурантам никто не мешал.

Схватки, понятное дело, были неизбежны: убитых, к счастью, было немного, а раненых удавалось быстро отправлять в лазареты. Пару легких пушек с зарядными ящиками, брошенных итальянцами, взводные убедили оставить в роте. Но поставленные задачи выполнялись.

После нескольких подобных успехов Забецер и Глебов, при личном общении, поздравили фон Эрлиха, но Роман предупредил:

— Вилли, с шестью убитыми ты героем не прослывешь! На доклады твоего майора уже косо смотрят!

Но Глебов, за спиной Забецера, жестом показал — «Всё в порядке, дерзай!»

Вильгельм: на третий месяц боевых действий в мою роту

пожаловал лично майор Коллер, на тот момент, самый опытный офицер даже не в полку, а во всей бригаде.

Повстанцев выбили из небольшой деревни под Бергамо. Но отошли они недалеко — в ближний лес и могли пойти в контратаку. Отразить её я собирался силами одного взвода, другой держал в резерве. Пушки подвинули в сторону ожидаемого подхода итальянцев.

В этот момент и появился Коллер собственной персоной; я доложил ему обстановку и свои соображения.

— Ты надеешься справиться одним взводом?

— У меня есть чем его подкрепить!

— И чем же?

Пришлось показать майору обе пушки. Коллер хмыкнул, но вмешиваться не стал.

Через пару часов повстанцы действительно вышли из лесу; нескольких пушечных выстрелов заставили повернуть вспять.

Повстречавшись со старыми сослуживцами во взводах, Коллер, отбыл к себе в штаб.

Всю весну и лето австрийцы маневрировали: убегали от итальянцев и прятались за надежными укреплениями. Итальянцы медлили с решающими атаками и упускали инициативу — военная удача оставила обе стороны. Да и что можно было решить на поле боя, если одной стороне явно не хватало сил, а вторая наполовину состояла из волонтеров, для которых не сваренная вовремя пища была законным поводом

отложить военные действия. Война войной, а обед по расписанию!

Ас: «Дьявол скрывается в деталях» — не знаю, кто и когда это подметил, но это справедливо. Хотя я бы уточнил: дьявол сам не прочь скрыть детали. К примеру, генерал Пётр Багратион знал, что его очаровательная супруга Екатерина Павловна, будучи за рубежом, в 1810 году родила дочь и назвала её Мария Клементина. Генерал, тем не менее, жену любил и готов был признать дочь; тем более, что на этом настаивало его императорское величество. А вышло так, что спустя пару лет княгиня Екатерина Павловна овдовела — генерал не пережил Бородинской битвы. Мать и дочь выполнили его волю лишь спустя восемнадцать лет.

4 Игры на свежем воздухе

Ас: в августе наступила передышка. Высшее начальство договаривалось о перемирии, командиры договаривались с интендантами и присматривали места, где можно было бы пережить грядущую распутицу. В продолжении войны никто не сомневался, просто перерыв необходимо было провести с пользой.

Уставшего Вильгельма вдруг вызвал к себе Коллер. Хотелось спать, но начальство есть начальство; зачем он потребовался майору, лейтенант не представлял себе и думать об этом не хотел.

Майор подготовил сюрприз. Говорили они с глазу на глаз, но не в штабе, а на квартире Колера, куда лейтенанта проводил Кранкль. На столе стояла пара стаканчиков, тарелка с мясом и сыром, в комнате пахло граппой.

— Садись Эрлих, — Коллер подвинул ему один из стаканчиков и аккуратно наполнил его прозрачной жидкостью. — Угощайся!

Лейтенант искренне поблагодарил начальника, втянул граппу, глотал не спеша — водка, согревая горло, провалилась вниз. Граппа, запас который постоянно пополнялся доверенными людьми Коллера, давно уже была притчей во языцех и предметом зависти его начальников и подчинённых. То, что разговор начался с угощения, обещало его ин-

тересное продолжение.

— Эрлих, разговоры о том, я собираюсь закругляться, ты уже слышал?

— Да, при мне говорилось такое; иногда и нам хочется посплетничать!

— И то правда: посплетничать надо, но мне действительно уходить пора — отслужил! Надеюсь, отговаривать не станешь? — глаза на его морщинистом лице смеялись.

— Нет, не стану. Сам поглядываю вдаль и жду, когда закончатся мои три года. Не так скоро!

— Вот именно — еще не скоро. Я наблюдал за тобой это время и решил, — указательный палец майора подчеркнул значительность момента, — что тебе можно доверить батальон!

Вильгельм был ошарашен, вопросы посыпались из него один за другим:

— Господин майор, вы считаете, что это дело осуществимо? Все ротные командиры уже обер — лейтенанты, они старше и опытнее меня; не думаю, что они будут в восторге от такого назначения!

— Своих ротных я знаю лучше, чем ты! Они не заканчивали академию, но не это главное: ни один из них батальон не потянет. Они знают это и не хотят лишней ответственности.

— Пусть так! Но приказ о назначении на должность будет подписывать командир бригады. Едва ли он слышал обо мне вообще!

— Эрлих, это моя забота! Если бы она была мне не зубам, я бы не стал тебя беспокоить! Словом — я так решил! Представление на следующее звание для тебя уже послано. В честь перемирия, я думаю, обер-лейтенанта получишь быстро: мы ведь не проиграли эту компанию, хотя и не выиграли. Будет следующая потасовка. Но я в ней участвовать больше не хочу. Все свои обещания императору я выполнил, теперь дело за ним — он должен обеспечить мою старость!

— Вы уже знаете, куда поедете?

— Выбора у меня нет: сестра ждет в родительском доме. Комната, в которой я буду жить, уже приготовлена.

— Понятно! Я не могу вам отказать, но как сложится — увидим!

Разговор был завершен и Вильгельм отправился к себе на квартиру. В роте он уже считался «своим»: ему пересказали случай, когда в трактирии соседские солдаты стали посмеиваться над его осторожностью и осмотрительностью. Тогда из-за соседнего столика встал капрал Томас Якобс, здоровенный детина из команды разведчиков Фогеля, подошел к балагуру и положил руку ему на плечо:

— Парень, Эрлих наш лейтенант! Только мы можем судить, хорош он или плох! Я думаю, ты всё понял!

Балагур подтвердил это своим быстрым уходом.

Майор Коллер, не любил откладывать дела в дальний ящик. Через пару недель Забецер дал знать, что срочно хочет видеть Вильгельма в штабе полка. В знакомой комнате

сидел невозмутимый русский штабс-капитан и недоумевающий лейтенант Забецер.

— Вилли, ты решил сделать карьеру быстрее, чем я?

— Фантазии у тебя! Попасть под пулю у меня, конечно, больше шансов, но обогнать тебя в карьере — извини, это не ко мне!

— Ага! Тогда прими мои поздравления — ты обер-лейтенант и принимаешь батальон у Коллера! Это как? Представления я не видел и пока не знаю, какие подвиги ты совершил!

— Примите и мои поздравления, Вилли! — добавил Глебов. — Роман только делает вид, что его обошли — на самом деле в том же приказе есть и он!

— Вот как! Значит, есть повод!

— Конечно! Но лучше пройти ко мне, от чужих глаз подальше.

Так и сделали. С продовольствием у штабных офицеров было получше, чем у полевых; но шнапсу, раздобытому Забецером, предпочли граппу, привезенную Вильгельмом. Обменялись первыми тостами.

— У меня был недавно разговор с Колером, — подтвердил Вильгельм. — Старик говорил, что собирается в отставку и хочет оставить хозяйство мне. Я не стал отказываться, но и поверить же в это было трудно!

— В полку, — подтвердил Забецер, — тебя никто не рассматривал. Ты же понимаешь — списки на выдвижение готовятся заранее, попасть в них не просто. Но Коллер смог

всех перехитрить и обстряпал это дело!

— Как, интересно? — спросил Глебов.

— Русская разведка выведывает наши штабные секреты?

— Мы же союзники! Считай, это обменом опытом!

— Тогда ладно! Вот, скажите, если один из нас захочет попасть на личный прием к командиру бригады — сколько времени на это потребуется? Не меньше месяца. А майора генерал принял прямо по приезду, хотя тот и объявился поздно вечером. Это как?

— А что потом?

— Потом они сидели до утра, пили граппу, что-то рассказывали друг другу, хохотали и даже пели похабные песенки!

— Они давно знакомы?

— Служили вместе ещё при живом и здоровом Бонапарте. Под утро генерал лег спать, Коллер уехал к себе в батальон, а Кранкль к обеду привез нам приказ о твоём назначении. Кстати — толковый парень этот Кранкль! Уже решено, что после отставки Коллера он перейдет к нам, в штаб! Так что на него не рассчитывай. Ну, порученца я тебе подыщу, так и быть!

— Тогда традиционный тост за здоровье наших императоров! — включился Глебов. Все встали и выпили. — Мне понравилось эта история, Роман!

— Ты же не вставишь её в донесение своему начальству, Алекс?

— В донесение не вставляю, но расскажу обязательно. На-

чальникам армейские анекдоты, если хочешь, куда интереснее донесений!

Провожали Колера своим батальонным кругом. На прощанье ветеран выдал:

— Про офицера хорошо говорят дважды: один раз перед отставкой, второй раз на похоронах!

С ним согласились и выпили — словом, проводили в дорогу.

Кранкль отправился продолжать службу в штаб полка, а на место порученца прибыл лейтенант Виктор Канчиц, которому объяснили его обязанности и отвели комнату неподалеку от штаба.

На вопрос Вильгельма про вновь назначенного порученца, Забецер не мог сказать ничего определенного, кроме того, что тот женат и пошел в армию добровольцем, закончив офицерские курсы год назад. Считает, что ему не повезло: компания 1848 года завершилась. Не дожидаясь его назначения, фельдмаршал Радецкий основательно потрепал силы повстанцев при Кустоце и заставил короля Пьемонта заключить перемирие. Канчиц рвался отличиться, но оказался на штабной должности: кто-то хлопотал за него, иначе он получил бы взвод.

В канцелярских делах на нового порученца, в отличие от Кранкля, полагаться было нельзя. Всю бумажную работу Вильгельм поручил капралу Хоффу, спокойному и толковому очкарику.

Канчиц возил бумаги для ротных командиров и забирал у них донесения; но вскоре стали поступать жалобы — порученец позволяет себе лишнее, глуповат, но нахрапист; унтера начали посмеиваться над ним. Кроме того, презрительно отзывается о повстанцах. Вильгельм вызвал Канчица к себе и сделал внушение, порекомендовал вести себя скромнее — этим и ограничился. Канчиц был старше фон Эрлаха на год — воспитывать его было поздно, да и заниматься этим Вильгельму было некогда. Однажды ему передали реплику обер — лейтенанта Тайцнера: «Этот придурок найдет себе пулю сам!» — Вильгельм не придал ей особого значения.

Осенью и зимой 1848 года боевых действий не было; батальон принял пополнение. Людей распределили по взводам, одели, разместили, поставили на котловое довольствие и начали готовить к будущим боям. Прожили осень, перезимовали; весной, как и ожидалось, итальянцы вновь объявили войну. Радецкий поднял по тревоге бригады генералов Вольгельмута и Аспре. Спокойная жизнь закончилась: войска стали перемещаться, перестреливаться, наступать, отходить, укрепляться, атаковать — словом гробить своих и чужих солдат. Батальон фон Эрлиха чаще всего прикрывал правый фланг полка, больше обороняясь, чем атакуя.

И сам Вильгельм, и опытные ротные командиры старательно избегали потерь, но разве на войне всё предусмотреть? Будним днём, в ситуации, которая не сулила ничего опасного, пророчество Тайцнера сбылось, причём на пози-

ции его же роты. Порученца Канчица застрелили итальянские снайперы. Покидая деревню, повстанцы уходили через мост за реку. И совсем ушли бы — не в привычках Тайцнера было их преследовать — расположиться на ночь в деревне было куда заманчивее. Вот тут всё и вышло: из-за ближнего каменного строения на коне, с саблей наголо, сверкая глазами и что-то крича, вылетел Канчиц. Летел он на мост; но при любом отходе итальянцы оставляли прикрытие из нескольких стрелков, среди которых были снайперы. Грохнули выстрелы — лейтенант, роняя саблю, упал с лошади навзничь. Стремена при падении он потерял, конь ускакать восвояси — позже егеря его поймали и вернули. Безжизненное тело лежало на мосту, но подобраться к нему охотников не было — ждали сумерек. С наступлением их егеря отволокли тело лейтенанта в укрытие: в помощи он уже не нуждался. Командир взвода тут же поскакал к Тайцнеру; тот, не вынимая трубки изо рта, принял доклад и отпустил подчинённого. Потом отправил нарочного к командиру батальона — Вильгельм приехал на место гибели Канчица уже утром. Ничего нового для себя он не увидел: в сарае лежало тело с двумя ранами от пуль, в грязной форме, без признаков жизни на лице. Обычный убитый, ничем не отличающийся от других.

Переговорили с Тайцнером и решили похоронить на местном кладбище. Вильгельм пообещал прислать капеллана.

Вернувшись в батальон, они вместе с Хоффом и каптеармусом побывали на квартире бывшего порученца, забра-

ли личные вещи, оставшуюся форму и бельё, рассчитались с хозяевами и ушли. Личных вещей было совсем немного: документы, бритвенные принадлежности, немного денег. Писем не было вообще; в записной книжке, кроме домашнего адреса и нескольких других записей, ничего не нашлось. Все это легко уместилось в саквояж, который Вильгельм оставил у себя.

На завтра, составив рапорт о гибели офицера, он уехал в штаб полка. Сидели и разговаривали, по обыкновению, на квартире Глебова.

— Как его угораздило?

— Рота Тайцнера выдавила итальянцев из деревни...

— Без лишнего шума! — ядовито вставил Роман.

— Припасы всегда приходится экономить — не больно щедро вы их присылаете! Итальянцы ушли за реку, через мост. Тут он и выскочил на коне, понесся им вслед, что-то кричал, размахивал саблей — и получил две пули. Видя, что никакого эскадрона за ним нет, за мостом успокоились.

— Мост первой переходит черная кошка, — задумчиво произнес Глебов.

— Это ваша русская — как там — поговорка? — уточнил Забецер

— Скорее примета. В отношении Канчица, кстати, сработала!

— Да! Алексей, как у вас там попы отпевают убитых?

— Прими и упокой Господи душу убиенного воина! По-

мянем?

Помянули, закусили.

Вильгельм обратился к Забецелу:

— Роман, можно ему выхлопотать серебряную медаль?

Парень ведь так и рвался в драку!

— Попробую!

С тем и разошлись. Битва при Новаре заставила итальянцев снова сесть за стол переговоров — в августе подписали очередной мирный договор. По случаю успешного завершения войны Вильгельм фон Эрлих получил Золотую медаль первой степени и капитанский чин, чем был вполне удовлетворён.

Вильгельм: в конце августа я наведася в штаб полка с бумагами; после доклада, по обыкновению, заглянул к Роману, узнать последние новости и поболтать. Атмосфера в комнате выглядела непривычно напряженной, что удивило. Роман ходил, Алексей сидел, отвернувшись к окну. Оба поздоровались, но без обычного энтузиазма. Я подтянул к себе ближний стул, уселся и уставился на приятеля. Тот, в конце концов, не выдержал:

— Ты уже слышал, что поменялся командир бригады?

— Слышал! И что с того?

— Как выразился Алекс, новая метла по — новому метёт!

— А как сломается, под лавкой валяется! — дополнил

Глебов.

— На совещании, — продолжал Роман, — генерал объ-

явил, что собирается укрепить командный состав рот и батальонов. Он считает, что старые командиры скисли и мышей не ловят! В грядущих боях они могут подвести — вот так!

Я молча слушал.

— Короче, — Роман наморщил лоб. — Короче, на твоё место уже назначен новый человек. Его фамилия мне ничего не говорит.

— Ясно! А меня куда определили?

— Вывели в резерв. Якобы ожидается пополнение, будут формироваться новые роты.

— Значит, с батальона на роту! Со мной, конечно, никто разговаривать не будет. Это всё пока не официально, я правильно понял?

— Официально, не официально — какая разница? Дело это не меняет! Что скажешь?

— Устал. Три года истекли — я думаю с армией завершить. Статью на увольнение подскажешь?

— Самая простая — женитьба! Мол, созрел, хочу продолжить род и тому подобное. Это срабатывает, но придется подтвердить, что у тебя есть денежки! Кажется 50 тысяч крон. Есть столько?

— Узнаю у своих. Думаю, найдутся!

Осень встретили за столом той же компанией. Отмечали: Алексей — производство в капитаны, я — свою отставку, Роман — полученный орден.

— Хороши приятели! — ворчал Забецер. — Один бежит

в Петербург, второй в Грац. Ей-богу, словом перекинуться будет не с кем! Алекс, какие новости у вас?

— Царь доволен исходом компании и Радецким. Точно знаю, что он получит Святого Георгия первой степени и станет генерал — фельдмаршалом русской армии! Это уровень. А вот надо это Радецкому или нет — его дело.

— Думаю, не откажется! — успокоил его Роман.

— Сидим за одним столом, пьём граппу за здоровье царей! Потом разъедемся! Что нас больше связывает: итальянская водка или государевы дела? И как государи переживут такой раскол?

— С такой философией тебе, Вили, и, правда, лучше держаться от армии подальше!

Алексей не ответил: только задумчиво покачал головой.

Больше мы не собирались. Получив приказ об увольнении, я забрал в штабе медаль для Канчица, попрощался с офицерами и двинулся в Ланнах, в отчий дом.

Ас: пока Вильгельм был занят на войне, австрийцы обзавелись новым императором.

Империя, прибрав к рукам балканские земли и часть провинций северной Италии, раздалась в ширь; но любая страна, разжирев за счет чужих территорий, становится неповоротливой. А вот отдельные её части, наоборот, обретают динамику — достаточно немного подстегнуть их националистические амбиции. Чтобы выжить, надо срочно менять содержание, не подвергая сомнению устоявшиеся традиции.

А что было? Фердинанд I Добрый, удрученный выступлением своих подданных в 1848 году, отрекся от престола в пользу брата, а тот в свою очередь, не став утруждать себя государственными заботами, взвалив их на плечи сына Франца-Иосифа. На свой манер Фердинанд был совсем не плохим правителем: страдал, правда, эпилепсией, но в государственные дела практически не вмешивался — подписывал только амнистии политзаключенным. Остальными делами занимался канцлер Меттерних: князь — герцог был убежденным консерватором, хотя в отношениях с любовницами постоянством не отличался.

Марко: Франц — Иосиф уселся на престол надолго и всерьез: он будет возглавлять Австрию целых шестьдесят восемь лет, пока благополучно не представится в собственной постели от пневмонии — курильщиком был заядлым, иначе мог бы протянуть и дольше. Но это все впереди, о чём, понятно, Ас знать не мог.

Ас: Франца — Иосифа готовили к должности кропотливо: в детском возрасте занятия длились по 20 часов в неделю, по достижении 10 лет их увеличили до 50 часов.

В итоге Франц Иосиф I овладел не только родным немецким, но и чешским, венгерским и, отчасти, польским языком, что указывало на грядущие направления его внешней политики. Увлекался молодой государь конным спортом и танцами.

Хотя в 1851 году императору стукнул всего лишь двадцать

один год, русский царь пожаловал ему высшие ордена империи: Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла и святой Анны 1й степени. А времена Меттерниха, который ворочал внешней политикой и руководил Госсоветом, прошли. Надо было потихоньку втягиваться в решение дел и проблем, доставляемых его беспокойными подданными и искать невесту. Невеста уже родилась в семье баварского герцога Максимилиана Иосифа и принцессы Людовики. Назвали её в честь крёстной матери прусской королевы Елизаветой. Ближний круг уменьшил это имя до Сиси.

А что соседи, они же постоянные конкуренты и соперники? Германии мешала раздробленность, чему в немалой мере способствовал Меттерних. К тому же немцы, несмотря на общность языков, разделяли взгляды Лютера, а австрийцы были заядлыми католиками!

Пару слов о себе: мозги, как выяснилось, отдыхают только во время общения! Молчание, если оно и золото, только в сундуке скупого рыцаря!

5. Объяснение

Ас: в поезде спалось плохо — капитан не понимал, сон это или явь. Под стук колес несколько раз забывался, видел себя возвращающимся в штаб и не находил его на прежнем месте. Вздрагивал, просыпался, вновь засыпал — всё повторялось.

И только добравшись до Граца и пересев в поджидавшую его коляску — тетя Бригитта, получив телеграмму, позаботилась — Вильгельм пришел в себя. Поехали в сторону Ланнаха с обязательным заездом в усадьбу Канчицев, чтобы навестить вдову лейтенанта Виктора.

Всю дорогу грядущий визит не выходил из головы: что говорить в таких случаях, Вильгельм не знал. Надо было выразить скорбь и сочувствие не переходя в жалость, сохранить выдержка и достоинство — нужные слова и интонации в голову не приходили.

У ворот усадьбы коляска остановилась. Вильгельм, подхватив саблю, двинулся вперед, отправив кучера в ближайшую харчевню.

Не видя хозяев, он обратился к садовнику, подстригавшему кусты :

— Добрый день! Могу я увидеть госпожу Канчиц, жену лейтенанта Виктора?

— Добрый день господин офицер! Вам, верно, нужна Эмилия — пойдемте за мной вот сюда!

Дорожка, на которую они свернули, вела к небольшому флигелю.

— Да вот и она! Эмилия, к вам гость!

С этого момента действия начали развиваться совсем не так, как представлялось капитану и причиной тому стала молодая женщина, стоявшая перед крыльцом флигеля на фоне оранжевых рудбеккий.

Она повернулась к Вильгельму лицом, кивнула ему головой и сделала шаг навстречу. Капитан смог её рассмотреть: среднего роста, очень привлекательна, но с отпечатком явной озабоченности на лице. Одета была скромно, но платье в светло — серых тонах не обозначало уместный в этой ситуации траур. Темные глаза глядели на капитана с любопытством. Визит застал её врасплох, но она быстро взяла себя в руки.

— Капитан фон Эрлих, — представился Вильгельм. — Ваш муж лейтенант Виктор Канчиц служил в моём батальоне.

Фраза вылетела сама собой. Придать ей драматическую интонацию он не смог. Женщина смотрела с растущим интересом.

— Вы уделите мне немного времени?

— Конечно. Давайте пройдем в гостиную и там поговорим. Хотите кофе?

— С удовольствием!

— Сейчас приготовлю. Устраивайтесь пока! — она пока-

зала на стул у круглого стола

и вышла. Капитан снял кепи и отстегнул саблю, пристроив их на одно из стоявших в гостиной кресел, извлек из саквояжа и положил на стол медаль, конверт, документы. Осмотрелся: небольшая гостиная, оклеенная светлыми обоями, вмещала кресло, диван, зеркало в проёме между окнами; несколько маленьких круглых сельских пейзажей на стенах — вот и вся обстановка. Скромно, без намёка на роскошь.

Портрета лейтенанта в тёмной рамке на видном месте не было. Это наводило на определенные размышления, но Вильгельму было пока не до них.

Она вернулась с подносом: кофейник, чашки, молочник со сливками. При этом чувствовала себя уже заметно увереннее. Принялись за кофе. Закончив с ним, Вильгельм вернулся к теме визита:

— Спасибо! Должен вам сказать, госпожа Канчиц...

— Вам не трудно будет называть меня просто Эмилия?

— Нет, но тогда и вам придется называть меня Вильгельм!

Капитан уловил на её лице нечто, похожее на улыбку. А услышал нечто совсем неожиданное:

— Послушайте, Вильгельм, вы же не станете мне рассказывать про подвиги и героическую гибель моего мужа?

Много позже в разговорах с ним Эмилия часто вспоминала этот эпизод. Но в тот день она и не подозревала, насколько больную тему затронула.

Капитан немного помолчал, но затем его прорвало. Поставил чашку на стол и сцепил пальцы рук и, глядя перед собой, он заговорил:

— Не знаю, удастся ли мне донести свою мысль, но... Героическую гибель! На войне, хочу вам сказать, очень мало героического! Не уверен, есть ли оно там вообще! Львиная доля усилий тратится на рутину: прибыть на указанное место, разместиться, найти воду, умыться, накормить егерей и самому чего-нибудь перехватить. Лошадей обеспечить фуражом и — простите за подробность — оборудовать отхожие места!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.